

ПОСЛЕ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Дальнейшее исследование

АЛЕКСЕЙ КСЕНДЗЮК

СОФИЯ

Алексей Петрович Ксендзюк

После Карлоса Кастанеды.

Дальнейшие исследования

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39962580
После Карлоса Кастанеды: Дальнейшее исследование:
ISBN 978-5-906749-46-8

Аннотация

В этой книге автор предлагает читателю альтернативное описание вселенной и человека, формулирует новое направление исследований в поиске достижения психоэнергетической трансформации нашей природы и перспективы нетехнологических путей дальнейшего развития человеческого существа. Рассматриваются практические методы самоизменения, которые дают возможность читателю на собственном опыте испытать ряд эффектов и измененных состояний сознания, характерных для так называемой «магии» дона Хуана Матуса – учителя известного американского мистика и антрополога Карлоса Кастанеды. Книга предназначена для тех, кто исследует теорию и практику психоэнергетической трансформации человека.

Содержание

Предисловие к третьему изданию	5
От автора	12
Пролог	15
Нагуализм Карлоса Кастанеды и трансформация человеческого вида (Вместо введения)	22
Долгий путь магов	68
Глава 1. Впотьмах	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Алексей Петрович
Ксендзюк**

**После Карлоса Кастанеды:
Дальнейшее исследование**

© А. П. Ксендзюк, 2014. Все права защищены.

© ООО Книжное издательство «София», 2015

* * *

Предисловие к третьему изданию

На протяжении двадцати лет я изучаю психоэнергетическую дисциплину нагуализма – философское и практическое направление Трансформации энергетического тела человека. Впервые в этом значении слово «нагуализм» использовал известный американский мистик, писатель и антрополог Карлос Кастанеда (1925–1998) в своей многотомной эпопее. Это история о том, как старый индейский шаман обучал Карлоса магии управления собственной энергией при помощи осознания.

На эту тему я написал семь книг. Данная работа впервые была опубликована на болгарском языке, в издательстве «Лик». Первая часть («Долгий путь магов») была издана в Болгарии в 1998 году, вторая часть, которая теперь называется «Ночь и ветер» (болгарское название «Карлос Кастанеда: подведение итогов») – в 2000 году. В 2001 году издательство «София» опубликовало эти две книги на русском языке под названием «После Кастанеды: дальнейшее исследование».

Мои постоянные читатели знают меня как автора, знакомы с моим стилем и подходом к теме. Тем не менее со времени последней публикации этого текста на русском языке прошло больше 12 лет, а значит, выросло новое поколение читателей, которое, вероятно, не знакомо с моими работами (а возможно, и с трудами самого Кастанеды). Все, что здесь

написано, в первую очередь предназначено им.

Несколько слов надо сказать о термине «нагуализм». Почему я остановился на этом термине, рассматривая знание, развившееся из наследия Кастанеды?

До Кастанеды слово «нагуализм» обозначало религиозный культ месоамериканских шаманов, где в центре внимания находился нагуаль, понимаемый как «магический двойник» – средоточие всех магических сил субъекта – либо как магическое животное-покровитель конкретного человека или племени. Но Кастанеда придал термину нагуаль иное значение, превратив его в философско-экзистенциальный термин, подобный кантовской «вещи-в-себе».

Соответственно изменилось значение термина «нагуализм» – это понятие стало названием психоэнергетической дисциплины, которую учитель Кастанеды именует «наукой об усилении осознания».

Знание, о котором пойдет речь, Кастанеда в собственных работах называет по-разному. В ранних книгах Кастанеда говорит об «учении дона Хуана», но после того, как выяснилось, что описанная Карлосом традиция духовного и психоэнергетического развития человека существовала за много веков до рождения дона Хуана Матуса, этот термин нельзя считать корректным.

Другое название духовного учения, о котором рассказывает в своих книгах Кастанеда, – «магия». Строго говоря, магия – это искусство паранормального (не вписывающегося

в законы принятого человеком описания мира) влияния на осознание (или шире – на человеческую психику) и восприятие других людей. В этом смысле магия известна евразийскому человеку уже несколько тысяч лет. Если не обращаться к метафизическим моделям реальности, сопровождающим подобное знание в разных культурах, то общий смысл магии можно сформулировать следующим образом: «Магия – искусство создавать иллюзии восприятия, мышления, формировать эмоциональные установки и посредством всего перечисленного влиять на мышление, реакции, поступки и поведение человека».

Иными словами, суть магии – воздействие на другого человека или группу людей через психику. В книгах Кастанеды подобная магия упоминается не так уж часто. Учитывая терминологию, к которой склонялся Кастанеда, и его понимание Абстрактного, такую магию следовало бы называть «магией конкретного». Те, кто ознакомился со всем наследием Карлоса Кастанеды, не могли не заметить, что магия конкретного не особенно интересовала Хуана Матуса и его ученика. Во всяком случае, если исходить из опубликованных книг знаменитого мистика.

Ближе всего к термину «нагуализм» название, которое позже появляется на страницах кастанедовского эпоса, – наука осознания или наука об усилении осознания. Но и в этом случае название никак не связано с основной идеей философии этого учения – с фундаментальной двойственностью

Бытия, которое делится на Мир, воспринимаемый по законам человеческой психологии восприятия, со всеми присущими этому процессу ограничениями, вытеснениями и искажениями, и Реальность-вне-человека, о которой нам практически ничего не известно, за исключением того, что эта Реальность является вечным и бесконечным источником Силы, Осознания, Безупречности и Намерения.

В магическом описании мира эта двойственность названа «истинной парой», которая компактно описывает ситуацию двумя короткими словами древнего языка нагуатль (на этом языке говорили индейские племена Центральной Мексики, считавшие себя потомками толтеков) – тональ и нагуаль. Словом тональ (день, судьба) мы вслед за Кастанедой называем все, что можно понять и упорядочить силами мышления и восприятия, что мы привыкли воспринимать и оценивать определенным образом. Реальность, выходящая за пределы описания мира, энергетическая вселенная, недоступная восприятию, и энергетическое тело человека, недоступное обычному режиму нашего восприятия, – все это в традиции Кастанеды называли нагуаль (второй, магический двойник).

Таким образом, нагуализм – это психоэнергетическая дисциплина, направленная на высшее постижение собственной природы и постижение Реальности вне человека и его восприятия. Можно утверждать, что по духу своему нагуализм ближе всего к йоге. Как и йога, нагуализм на практике

представляет собой определенный корпус идей о человеке и Мире и набор психотехнических инструментов. Окончательная цель нагуализма – психоэнергетическая Трансформация всей человеческой целостности, которая даст возможность развить второе тело, которое станет носителем человеческой личности и человеческого «Я», даже после того, как физическое тело перестанет функционировать. Развитие второго тела как автономной воспринимающей единицы достигается в состоянии второго внимания – измененного состояния сознания, в которое мы попадаем через *сновидение* или ИСС наяву, возникающее в результате специальных психотехник – остановки внутреннего диалога, неделания, безупречности, сталкинга и др.

Изучая возможности этой дисциплины, я на собственном опыте пережил ряд необычных феноменов (интенсивно осознаваемые *сновидения*, отделение и уплотнение *тела сновидения*, всплески *видения*, безмолвного знания и многое иное), что послужило материалом для систематического исследования нагуализма, которое все еще продолжается.

Первая часть книги, «Долгий путь магов», создавалась в конце 90-х годов XX века. Ее основной замысел состоял в том, чтобы кратко описать, как формировался тот жестко зафиксированный режим восприятия, который не дает человеку использовать его колоссальный психоэнергетический потенциал. Она опирается на философско-антропологические идеи, которые, как мне сегодня видится, следовало разрабо-

тать гораздо тщательней. Однако последующая практика отвлекла меня от этого серьезного, но в основном теоретического проекта.

Вторая часть, «Ночь и ветер», предлагает читателю альтернативное описание энергетического тела человека. Должен предупредить читателя, что в те далекие годы я был слишком очарован кастанедовским описанием, что вело к упрощенному пониманию восприятия некоторых феноменов. Это касается, прежде всего, описания точки сборки и ее передвижений. Дальнейшая психотехническая работа развеяла мои наивные и механистические представления о том, что сгусток свечения, который я воспринимал в состоянии *видения*, и есть точка сборки. Сегодня я склонен предполагать, что этот сгусток свечения отражал лишь самые активные области энергетического метаболизма между коконом энергетического тела и внешним полем.

Следовательно, когда речь идет об описании так называемых «траекторий» перемещения точки сборки, не следует понимать эти пассажи буквально. В этих описаниях я лишь зафиксировал, как мог, свой мимолетный опыт *видения* передвижения светимости внутри энергетического тела. Во многих случаях эти передвижения не имеют прямого отношения к сдвигу точки сборки и, разумеется, далеко не всегда вызывают те перцептивные и психоэнергетические эффекты, которые я им приписывал.

Сегодня я считаю, что точка сборки – это гораздо более

глубокое явление. То, что мне удалось воспринять и описать в те годы, – лишь отблески перемещений энергетических масс, которые в одних случаях сопровождают смещение точки сборки, а в других – относятся к иным биофизическим процессам.

Хочу подчеркнуть, что в этой книге я впервые описал структуру энергетического тела, которая во многом оказалась довольно точной. Многие методы, описанные в главах 6, 7, 8, доказали свою эффективность в вызывании измененных состояний сознания. И я до сегодняшнего дня убежден, что внимание, осознание и восприятие – как сказано в главе 4 – являются важнейшим рычагом психоэнергетической трансформации человека.

2014 г.

От автора

Как ни странно, полное осознание всей уникальности и огромного значения магического пути Карлоса Кастанеды пришло ко мне в месте, наиболее удаленном от месоамериканских индейцев, их древних городов и загадочных пирамид, от этой колыбели нагуализма, где старые шаманы все еще хранят толтекские предания и тайно собираются вместе, чтобы петь ритуальные песни и есть священный кактус пейотль, – в месте, удаленном не только географически, но и духовно, в атмосфере, насыщенной интенсивными вибрациями самых возвышенных устремлений индуистской мысли. В 1992–1993 гг. мне довелось жить и работать в Индии, в ашраме великого йога, философа и поэта Шри Ауробиндо Гхоша. Те, кто знаком с работами этого мыслителя, согласятся, что его учение можно без преувеличения назвать наивысшим синтезом индийской философии, самой совершенной системой в ориентальном мистицизме, своего рода итогом нескольких тысячелетий духовного развития Индостана. Тем не менее именно здесь, в Пондишери, на берегу Индийского океана, в городке, ставшем одним из самых сильных духовных центров Земли, – я впервые по-настоящему понял, как далеко ведут дон-хуановские тропы. Я понял и почувствовал на собственном опыте, что там, в непостижимых дебрях нагуаля, кроется подлинное постижение Реаль-

ности, доступное человеку, и подлинная трансформация, о которой мечтал и которую предчувствовал гениальный Шри Ауробиндо.

Многие идеи и принципы, изложенные в моих книгах, обретали начальные очертания в результате общения с духовными искателями и йогами, долгие годы практикующими ориентальные психотехники. Дух Шри Ауробиндо, презиравшего суеверия и невежественные мифы, последовательно стремившегося к открытию объективных законов внутренней эволюции человека и гармонии с великими энергиями мироздания, кажется, навсегда оставил свой след в этом уголке южноиндийских просторов. И хотя мои рассуждения и эксперименты обрели совсем иное, неожиданное для последователей Шри Ауробиндо направление, я думаю, что именно его исследовательский пафос и строгий мыслительный подход дали первичный импульс моей настоящей работе.

Вполне отдавая себе отчет в многочисленных расхождениях данной книги с идеями интегральной йоги, я все же хотел бы выразить глубочайшее уважение и искреннюю признательность гениальному основателю этой всемирно признанной духовной школы, а также обратиться со словами самой сердечной благодарности к тем, кто оказал мне значительную помощь и поддержку во время пребывания в ашраме. В первую очередь я благодарен господину Джаянтилалу Парекху, в те годы возглавлявшему архивы ашрама

Шри Ауробиндо, – именно его участие, понимание и помощь сделали возможным само мое пребывание в Пондишери. Я также глубоко благодарен Питеру Хизу, американскому ученому, исследователю жизни Шри Ауробиндо и новейшей индийской истории, не только за помощь в работе, но и за долгие дружеские беседы, за его открытость и понимание. Я признателен сотрудникам архивов ашрама, так как все они в той или иной степени помогали мне, проявляя искреннее участие и трогательную доброту. Моя книга, посвященная идеям духовной трансформации, – это дань любви, уважения и благодарности всем этим замечательным людям.

Хочу выразить особую благодарность моей жене Ольге, которая сделала все от нее зависящее, чтобы обогатить эту книгу конкретными элементами практики, понятными только тем, кто сделал stalking содержанием своей жизни.

Пролог

*Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу
подготовиться к этому...*

Карлос Кастанеда, «Колесо времени» (1998)

Из нашего мира – мира тоналя, мира ограниченного и искаженного человеческого восприятия – в неопределимую бесконечность удалился Карлос Кастанеда. Каждый год мы ждали его изумительных книг. Мы ждали его откровений, намеков, сомнений и открытий, и каждая его книга становилась вехой, отметиной на пути в Неведомое, – а мы по мере своих сил продвигались вслед за ним, испытывая ужас и восхищение, вспоминая давно позабытые чудеса и поражаясь причудливым пейзажам магической Реальности.

Многие, услышав имя Кастанеды, хмыкают и пожимают плечами: лжеученый, мистификатор, мифотворец – не правда ли, именно так называли и продолжают называть этого весьма необычного автора.

Да, Карлос в своих книгах рассказывал сказки. Во-первых, он не мог не рассказывать «сказки», поскольку обращался к описанию опыта, чуждого безнадежному большинству людей. Во-вторых, он никогда не давал в своих «полевых заметках» фактический материал: играл характерами, ситуациями, антуражем, замечал следы – именно так, как его

учил сам Хуан Матус.

И все же Кастанеда реалистичен, как никакой другой писатель: ведь он в своих книгах говорит о Реальности – странной и могущественной, бесконечной и безразличной. Человек в этой Реальности – существо незначительное, и удел его более чем скромн. Грандиозные энергетические потоки, которые оказываются доступны восприятию мага, часто дают ему иллюзорное ощущение собственной значимости, даже величия. На мой взгляд, Кастанеде удалось избежать мании величия, подстерегающей многих авторов, в чьих работах содержится мистическое либо духовное послание человечеству. Вряд ли его можно обвинить в гордыне. Он не создавал ни сект, ни церквей, ни международных братств.

Разумеется, ему пришлось пойти на определенный компромисс – я имею в виду известную историю создания коммерческой корпорации и распространение магических пасов Тенсёгрити. Однако если быть внимательным к деталям, то мы заметим, как мало участия в этом мероприятии на самом деле принимал загадочный Карлос. Разумеется, он не впадал в фанатический аскетизм и не отказывался от финансового благополучия. Мировой тональ того времени (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) предоставлял Кастанеде целый спектр возможностей. Он мог собирать большие аудитории, стать одним из псевдогуру или «учителей жизни», мог бесконечно рассказывать «сказки о Силе» и преуспевать как в социальном, так и в финансовом отношении. Но послед-

ний Нагваль не пошел этим путем. Он ограничился тем, что предложил группе последователей телесную технику, которую назвал тенсёгрити, и позволил им развивать ее по своему усмотрению. В первые годы Кастанеда несколько раз выступал на семинарах, но его участие в них быстро стало скорее исключением, чем правилом. Карлос ушел в тень и общался лишь с немногими избранными. Он явно был скорее сновидцем, а не сталкером. Он не извлекал Силу из больших собраний поклонников и последователей и, разумеется, не потакал своему чувству собственной важности.

Этот человек дал нам ключ к познанию Реальности. Он сильно и убедительно показал, что Реальность ускользает, как только мы наклеиваем на нее ярлык, присваиваем ей понятие, навязываем смысл. В итоге Карлос и сам стал частью этой подлинной, вечно ускользающей, неопределимой Реальности. Всей своей жизнью он стремился хоть в какой-то мере уподобиться Силе, о которой рассказал столько «сказок» в своих уникальных книгах.

Достаточно взглянуть на ушедшего в бесконечность странника простым, безыскусным взглядом – и поневоле удивисься: как мало личного оставил он за последние три десятилетия! Причудливый узор Силы: словно сама Реальность решила прорваться сквозь барьер восприятия и сделала это безыскусно, непосредственно, лаконично, поскольку как таковая не нуждается ни в литературном изяществе, ни в эстетстве любого рода.

Ничто в жизни последнего нагваля не оставляет впечатления биографии, разве только годы, проведенные в Калифорнийском университете. Его поступки не поддаются однозначным оценкам. Пытаясь хоть как-то проследить за поведением единственного в своем роде антрополога, начиная со знаменательного 1960 года, когда он познакомился с доном Хуаном, мы словно наблюдаем за человеком, движущимся в жизни на ощупь, – Карлос как бы прислушивается к чему-то нам недоступному и стремится правильно ответить на беззвучный зов.

В целом это выглядит довольно странно, но ясно одно: этот человек, зная, что невольно оказался в центре внимания многочисленной и разношерстной публики, не старался, подобно прочим, создать захватывающий имидж. Кастанеда не боялся показаться смешным, противоречивым, даже невежественным, что может позволить себе только человек действительно свободный. Он мог быть непунктуальным, безответственным, он сочинял о себе массу неправдоподобных историй и делал это настолько непринужденно, что, очевидно, совсем не боялся разоблачений.

Можно считать это обычным легкомыслием, даже безнравственностью и асоциальностью – но ведь свобода порой выглядит именно так. Реальности нет никакого дела до того, насколько ее проявления соответствуют нашему представлению о социальном престиже.

Кастанеда подарил нам шанс, и мы должны быть беско-

нечно благодарны ему за это. Если он действительно был последним нагвалем старого цикла, то ему, безусловно, суждено было стать первым нагвалем нового цикла. Мир после Кастанеды никогда уже не станет таким, каким был до него. Благодаря его книгам мы узнали, что вовсе не заперты в тюрьме собственного сознания, но это открытие далеко не всегда вызывает у человеческого существа эйфорию. Мы узнали, что вокруг – мириады миров, и их только предстоит открыть, ощутить, осмыслить. Мы впервые с такою отчетливостью осознали, почему в обычном состоянии не способны вырваться из жесткого, фиксированного режима восприятия.

Это не догадки и не красноречивые намеки в стиле дзэн, не индуистские метафизические головоломки, это даже не даосские притчи, где дух Реальности витает над пейзажами, увиденными в ярком и радостном солнечном свете человеческого сознания, наполненного самим существованием. Это ясная и вполне проверяемая модель – совокупность психоэнергетических закономерностей, которые добросовестный экспериментатор может подтвердить или опровергнуть.

Благодаря учению дона Хуана вселенная, в которой мы живем, изменилась. Вполне возможно, кому-то она теперь покажется слишком большой и страшной, кому-то – возмутительно бесчеловечной. Но человек быстро находит себе новые утешения взамен утраченных.

Конечно, знание дона Хуана предназначено, в первую оче-

редь, для того, кто хочет быть вечным странником, для того, чья высшая ценность заключена в радости неограниченного восприятия. Но, как всякое истинное знание – знание, наде-ляющее Силой, – оно может стать орудием, способным вы-звать страдание или катастрофу. Сегодня мы еще настолько не отдаем себе отчета в происшедшем, что даже всерьез об-суждаем вопрос, обладает ли вообще ценностью «фантасти-ческая» эпопея Карлоса Кастанеды.

Тысячи людей практически во всех странах мира, ото-рвавшись от завораживающих кастанедовских «сказок», на-шли собственную тропинку в миры второго внимания. Как все первооткрыватели, они рискуют – иногда собственным здоровьем, а иногда и жизнью. И мне следовало бы призвать их к осторожности, осмотрительности, умеренности.

Но я не стану этого делать. И вовсе не потому, что легко-мысленно отношусь к человеческим судьбам. Просто у нас больше нет лидера-нагваля, на которого можно взвалить за-боты о нашем воспитании и обучении. Одно я знаю наверня-ка – осторожные люди никогда ничего не открывали. В этом мире – мире после Кастанеды – каждый пройдет оставшуюся часть пути сам. Карлос не поможет нам ни новыми книгами, ни магическими пассажами, ни даже простой радостью от того, что мы живем с ним на одной планете.

Быть может, свободное восприятие ««одиноким птиц»» блуждает сейчас в невообразимых просторах нагуаля. Но не исключено, что Кастанеда все еще рядом, ведь он так долго

беседовал с нами в своих книгах. Десятки лет он делился с нами своим вниманием, силой и любовью.

Мы живем после Кастанеды, но уже никогда не будем жить без него.

Нагуализм Карлоса Кастанеды и трансформация человеческого вида (Вместо введения)

Пока речь идет о высочайшем, об истинной природе бытия, нет ни будд, ни демонов. Тот, кто освободился от страха и надежды, от зла и добродетели, поймет несубстанциональную беспочвенную природу заблуждения.

Миларепа

С той самой поры, когда человек осознал себя и утвердил в собственном воображении природу, вид и характер своего существа, выделил и закрепил в мыслительном пространстве человеческую форму (тем самым декларировав не только свою уникальность, но и свою ограниченность), он не перестает грезить о трансмутации. Нас не оставляет желание измениться, найти в себе и развить способность к превращению в Иное. Наша монотонность разочаровывает и затягивает в себя, непреходящий круговорот жизни и смерти словно бы томится и ждет перехода в новое качество, питая извечные сны и фантазии человеческого рода.

Мы ищем возможности трансмутации повсюду. Мы желаем убедиться, что стабильность и ограниченность вида (структуры, формы, элемента) не абсолютны, и, добива-

ясь целенаправленного превращения вещей в окружающем нас мире, почти бессознательно возбуждаем в себе надежду на грядущую трансформацию собственного существа, чья неповоротливость и косность так сильно противоречит подвижности чувств, пластике мысли, эфирным ветрам свободного духа.

Оборотничество, «внутренняя алхимия» даосов, ожидания нисходящего Духа, йогические эксперименты – все это отголоски, отражения, проекции единственной жажды качественно нового бытия. Трансмутация и пресуществление всегда входили в ряд центральных мифологем человеческого сознания.

Даже не обращая специального внимания на фундаментальное противоречие своей природы, мы подсознательно ощущаем какую-то неправильность, дисгармоничность или незавершенность положения дел. По сути, вся история религии и философии (всегда представлявшая собой наиболее емкий и ценный пласт культурного развития, хотя мы порой склонны забывать об этом) является извечным поиском иного бытия – более яркого, более совершенного и свободного. Именно для утверждения возможности иного бытия создавались мифы, доктрины, метафизические теории, оккультные дисциплины.

Самой древней и, пожалуй, самой дерзкой формой поиска в этом направлении была магия. Воплощая аморфное и как бы «безумное» видение мира, движение на ощупь в пута-

нице снов, фантазий, призрачных отношений и символических действий, магия не только рисовала удивительную вселенную, где человек оказывался подлинно космическим существом с таинственной судьбой и масштабными возможностями действия, — она вызывала к жизни глубинные откровения, необъяснимые феномены и процессы, которые поддерживали ее туманное мировоззрение на протяжении тысячелетий вопреки растущему холоду рационализма. Таким образом, религия, идеалистическая философия и оккультизм, превратившись в отдельные течения мысли, хранили и по сей день хранят неувядающую мечту человечества о подлинной трансформации — победе над смертью, над немощью и ограниченностью, над пространством и временем, над беспощадными законами физического бытия. Есть ли у этой мечты реальное основание, та опора, которая может дать надежду трезвому и последовательному уму, а не просто будоражить воображение поэта и утешать бесчисленных страдальцев несбыточными миражами?

На первый взгляд, все здесь зыбко и неопределенно. Повсюду мы встречаемся с неким пределом, за которым остаются лишь загадочные слова, метафоры, намеки и обещания. Религия провозглашает всеисие веры — стоит перешагнуть порог смерти, и вы убедитесь в ее подлинности. Философия, погруженная в мир умственных идей, конструирует головокружительные модели из собственных символов, законов и категорий — она силится привязать свои интеллекту-

альные фантазмы к Реальности и тем не менее всегда остается где-то вдали, за пределами опыта и живого чувства, как бесплотное кружево малоубедительных формул.

Практический мистицизм на их фоне, конечно, выигрывает: он предлагает непосредственно испытать проблески иного бытия и иного сознания. Но куда заводит нас этот чарующий блеск, если обещанная трансформация опять лежит «по ту сторону» бытия и никак не доступна нормальному опыту? Ведь по эту сторону мы сталкиваемся только со странными помрачениями чувств и блаженной неподвижностью в непостижимом свете, восприятие которого может оказаться всего лишь результатом психического расстройства.

В процессе эксперимента мы, конечно, встречались с множеством интригующих явлений, которые указывали на реальное расширение наших способностей и изменение характера нашего функционирования; но почему вся эта сосредоточенная работа непременно завершается бессильным окончением трупом и мы хороним – великого учителя дзэн, прославленного медитатора, мага или духовидца, хороним Будду, Магомета, Рамакришну? Невольно возникает ощущение, что человек никак не может ухватить какой-то лежащий на поверхности закон. Или действительно все бесполезно, в чем нас так настойчиво убеждают рационалисты?

Цель моей книги – показать, что реальный путь трансформации возможен, что все принципиальные преграды могут

быть преодолены, а природа человека – совсем не то, что до сих пор представлялось нашему односторонне развитому интеллекту. Все эти новые понятия, представления и закономерности, которыми наполнено данное умственное пространство, – своего рода набросок к картине мира, где самые разнородные психические феномены находят свое место, где бытие и сознание пребывают в непривычных для нас отношениях, где вселенная бесконечно шире любой религиозной или научной модели.

Нам предстоит рассмотреть и разрешить целый круг вопросов в рамках предложенной парадигмы: тенденции духовного поиска на протяжении исторического времени, причины заблуждений и неудач оккультизма, современное состояние эзотерических учений, кризис технологического общества. Концепция Реальности и устройства человека как энергетической формы – отдельная тема. Сущность магии и мистических психотехник приобретает новое и исключительно существенное значение. Психоэнергетический процесс, который оказывается сердцевиной всякого магического действия, вполне доступен исследованию, как и эффекты, которые он вызывает.

Радикальная трансформация энергетической формы человека – заключительный этап в этом ряду, если соблюдены все необходимые на пути условия. Магические способности вполне могут претендовать на реальность и обретают свое законное место в энергетической феерии окружающего нас

мироздания. Технологический аспект, безусловно, является самым важным. Практическая дисциплина будет рассматриваться подробно, как и способы верификации получаемых результатов.

Повсюду нас будут сопровождать образы и идеи дона Хуана Матуса, подарившего важнейшие ключи к разгадке бытия человека и мира. Именно дон Хуан – учитель всемирно известного оккультиста и антрополога Карлоса Кастанеды – привел нас в мир трансформации, бессмертия и свободы.

Тем, кто внимательно читал книги Карлоса Кастанеды, многие идеи покажутся знакомыми и понятными. И наоборот – без основательного анализа дон-хуановского учения вряд ли возможно полноценно воспринять и осознать написанное здесь. Моя предыдущая книга имела целью систематизировать и сложить в последовательном (с методологической точки зрения) описании весь комплекс теоретического и практического знания, распределенный в произведениях самого Кастанеды неравномерно и, скорее, в художественно-публицистической манере. О причинах такого подхода я уже говорил в упомянутой работе: во-¹первых, до последней книги Кастанеда настойчиво держится позиции ученика, а не учителя, и во-вторых, его совсем не привлекает идея создания мистической школы с четкой доктриной, инструкторами и учениками.

Как признавался сам Кастанеда, его литературное творче-

---

¹ «Тайна Карлоса Кастанеды», 1995.

ство – скорее выражение признательности и глубокой любви к учителю-магу, перевернувшему его жизнь. Желаясь ознакомиться более подробно с тем философским и психологическим изяществом, что лежит в основе пути толтеков, я рекомендую собственную книгу, указанную выше, так как большинство иных источников либо не излагают материал в необходимом объеме, либо часто не удовлетворительны с методологической точки зрения.

Обратимся к центральным идеям дон-хуановского мировоззрения, основным понятиям и методам, на которые нам придется постоянно ссылаться. Важнейший термин кастанедовского учения, впервые сформулированный Карлосом в его четвертой книге «Сказки о силе» и с тех пор не исчезающий со страниц этого мистического «эпоса», – нагуаль.

Слово это имеет долгую историю в языке индейцев Месоамерики и всегда связывалось с колдовством и магическими превращениями; однако Кастанеда сообщил нам о содержании данного термина нечто настолько важное с точки зрения высокой философии, методологии и практики мистицизма, что мы с полным правом могли бы назвать все дон-хуановское учение «нагуализмом». Именно от Кастанеды мы узнаем об истинной паре двух фундаментальных понятий – тоналя и нагуаля, в которую укладывается весь наш таинственный мир, включая и самого человека – существо не менее загадочное, чем самые удаленные и странные уголки вселенной.

На первый взгляд, разъяснение тоналя и нагуаля может показаться чересчур абстрактным и совсем не практичным умствованием. Особенно если учесть то, что многократно подчеркивал известный критик кастанедовских работ Ричард де Милль, – связь этих понятий с достижениями новейшей философии: экзистенциализмом, феноменологией и, конечно же, этнометодологией. Тем более что возникла эта школа в стенах того же Калифорнийского университета и в конце 60-х – начале 70-х претендовала на самый модный метод интеллектуального исследования чуждых европейцу культур. (Здесь де Милль подозревает Кастанеду в своего рода угодничестве: так Карлос мог заручиться поддержкой влиятельных интеллектуалов, создателей этнометодологии, которым как раз в ту пору было необходимо серьезное исследование, основанное на их научных предпосылках.) Мы не отрицаем, что этнометодология сыграла значительную роль в становлении начинающего антрополога Кастанеды, и все же вряд ли мэтр этой дисциплины Гарфинкель одобрил личностные трансформации Карлоса, которые явно дают о себе знать уже в третьей его книге.

«Путешествие в Икстлан» окончательно разорвало отношения Кастанеды с серьезной наукой антропологией. Де Милль решительно не хочет замечать того, что Кастанеда больше не антрополог, а метафизика и метапсихология, излагаемые в последующих томах, – мистика высшей пробы, обогащенная современным терминологическим аппаратом.

Честолюбие ученого, профессорская карьера – все это оставлено во имя бесконечного изумления духовного искателя. Карлос давно покинул свою касту и превратил свое знание в объект, не подлежащий научной критике. Этнометодология послужила ему лишь начальным импульсом к самому удивительному исследованию. С помощью этой методики Кастанеда проложил путь к пониманию традиции дона Хуана, что дало ему ключ к познанию мира, убедило в достижимости бессмертия и свободы.

Современная психология восприятия располагает достаточным экспериментальным материалом, доказывающим, что дистанция между перцептивным образом мира и внешней реальностью неизмеримо больше, чем представляет себе обыденное человеческое сознание. Я уже рассматривал этот вопрос подробно в книге «Тайна Карлоса Кастанеды», но неизбежно буду возвращаться к нему еще. Пока же следует подчеркнуть, что деятельность нашего перцептивного аппарата приводит к возникновению крайне ограниченного и искаженного образа мира. Этот образ мы вполне автоматически принимаем за саму Реальность, существующую вне нас, хотя на самом деле стоит говорить о двух принципиально различных предметах – «описании мира», опирающемся на человеческую перцепцию, и реальном мире, находящемся за пределами нашего восприятия и помимо него. О последнем мы ничего не знаем, и это особенно важно понять в самом начале наших рассуждений.

Тоналем в дон-хуановском учении именуется, с одной стороны, «описание» (перцептивный образ) мира, с другой – тот сложный внутренний механизм человека, что создает «описание мира» и поддерживает его. Для субъекта восприятия, по словам дон-Хуана, «никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся». Как механизм, генерирующий интерпретационные схемы восприятия, тональ невероятно продуктивен, что заставляет магов даже называть его «творцом мира».

В дальнейшем, говоря о тоне, я намерен использовать более привычные и более конкретные для европейской науки термины. Для ученых это емкое индейское слово содержит в себе по крайней мере три понятия:

- 1) перцептивный аппарат, включающий в себя всю совокупность процессов обработки поступающего сенсорного сигнала;
- 2) перцептивную матрицу, именуемую у Кастанеды также «глазами тоналя» или «инвентарным списком», т. е. интерпретационную модель, сформированную человеком в процессе изучения и воспитания;
- 3) перцептивный образ мира, т. е. всю картину воспринимаемого пространства, состоящую из существующих в матрице элементов, структурированную и ограниченную перцептивным аппаратом и перцептивной матрицей.

Определив таким образом, что подразумевается под первым членом истинной пары в толтекской терминологии, легко угадать содержание второго члена, упомянутого выше. Нагуаль – это, прежде всего, реальность вне интерпретации, вне восприятия, Реальность, какова она есть на самом деле. Везде, где пойдет речь об этой абсолютной и непостижимой для нас Реальности, я буду обозначать ее в тексте с заглавной буквы. Если в качестве идеи нагуаль (Реальность) может быть принят и понят после некоторых размышлений, то вообразить нагуаль или описать его в принципе невозможно. Дон Хуан в разговоре с Кастанедой называет тональ «островом», а нагуаль – «бесбрежным пространством, лежащим вокруг острова». Только так он может намекнуть ученику на истинное соотношение данных понятий. В остальном же слова бессильны.

Тайна Реальности, существующей вне человека и ограничений его восприятия, – не что иное, как Великий Предел, ключ к истокам всей реальной мощи человеческого рода, к осознанию и освоению мировой энергии, от которой зависит окончательная судьба каждого индивида и цивилизации вообще. Таким образом, значение нагуаля невозможно переоценить. Когда мы пытаемся помыслить эту невообразимую Реальность, ее непостижимость завораживает и одновременно влечет к себе, гипнотизирует и порождает самый дерзкий взлет фантазии. С другой стороны, грандиозные масштабы и безусловное всемогущество бытия не могут не вызывать

благоговейного ужаса и трепета в микроскопическом сознании отдельной личности. Все антропоморфные мифы о Боге-творце, властелине судеб и миров, берут свой исток в этом неопишемом величии.

Какие только образы ни внушала сила подлинной Реальности вне нас! Господь Бог и Сатана, Брахман и Шуньята, Дао и Сат-Чит-Ананда, Ахурамазда и Ангра-Майнью, Шива и Шакти, Тонатиу и Тецкатлипока, Логос и Абсолют – множество имен, символов, понятий служили и служат человечеству с целью обозначить, опредметить, описать неопишимый корень всех вещей и явлений. Не столь уж часто мы отдаем себе отчет в бесплодности подобных усилий – они могут быть прекрасны и даже совершенны в сфере человеческой мысли, в пространстве искусства и воображения, но остаются принципиально чуждыми объекту своего вдохновения. Дон Хуан с удивительной для оккультизма последовательностью отделяет воспринимаемое, мыслимое и называемое от подлинности не-человеческого бытия.

На первый взгляд, его подход словно бы укрепляет и делает еще более безысходной позицию разочарованного агностика, воздвигает непреодолимую стену между субъектом познания и источником перцептивного опыта, делая нас бессильными, слепыми, беспомощными. Однако дело обстоит прямо противоположным образом, и в этом – один из фундаментальных парадоксов дон-хуановского метода. «Нагуаль там, где обитает сила», – говорит он. Ибо в реальности

наше бессилие и отчужденность от подлинного бытия начинается как раз вместе с попытками нарисовать мифологическую картинку или метафизическую модель. Придумав слово, схему, концепцию, мы с поразительным легковерием отождествляем «луну и указующий на нее палец», согласно яркой аллегории мастеров дзэн. Все наши потуги добраться до Сат-Чит-Ананды, «пробудить» Шакти и слиться с Абсолютом – не более чем затейливые игры с «пальцем» и малоэффективные дискуссии по поводу его устройства.

Необходимы настоящее бесстрашие и высокая отрешенность, чтобы признаться в том, что у нас нет ровным счетом никаких оснований приписывать Реальности даже самые абстрактные и самые высокодуховные качества. Играя с описаниями (религиозными, философскими, мистико-поэтическими), мы всецело принадлежим тону, который, как было сказано, ничего не творит и ничего в Реальности не изменяет. Та подлинная сила, что движет явлениями внешнего мира и питает человеческое существо, остается в непроглядном и напрочь позабытом царстве; наша связь с нею утрачена, чувство замутнено, а внимание отвлечено умственными конструкциями и придуманными надеждами.

И только возвращение к живому чувству Реальности – без языка, без мышления, без эгоистических галлюцинаций на тему «спасения» или «пробуждения» – дает нам шанс коснуться самой энергии бытия, той единственной энергии, что действительно творит, управляет, трансформирует. Вот по-

чему осознание «истинной пары» тоналя и нагуаля открывает возможность для магии в самом высоком смысле этого слова.

Конечно, человек сам является одним из бесчисленных феноменов нагуаля. Его изначальная и сущностная природа неотделима от Реальности и целиком погружена во всеохватывающую сеть энергетических отношений, в океан породившей и питающей его силы. Можно сказать, что главной чертой существования человеческой формы является взаимопроникновение, т. е. непрерывный круговорот сил, ни в чем не знающий абсолютных границ, изолированных фрагментов, незыблемых отдельностей. Человек живет в нагуале – в тоне он только воспринимает, думает и говорит. Однако последний момент оказывается решающим, и в осознаваемом поле мы никогда не находим контакта с реальностью нагуаля.

Эта парадоксальная ситуация получает свое отражение в двойственности всей человеческой натуры. Дон Хуан, объясняя Кастанеде его разнообразные психические переживания, то и дело использует выражения типа «твой тональ испугался» или «твой нагуаль знает». Психология в свое время обнаружила, что объем ясно осознаваемых явлений и процессов в общем психическом пространстве составляет ничтожную долю. В результате этого открытия возникли и получили широкое распространение такие термины, как подсознательное, бессознательное и сверхсознательное.

Ни один из этих терминов, конечно же, не отражает в полной мере присутствие нагуаля во внутреннем мире человека. Приравнять нагуаль, например, к бессознательному (как это сделал Д. Л. Вильямс, исследовавший творчество Кастанеды с позиций юнгианского анализа) – значит безосновательно сузить и исказить содержание донхуановского термина, по сути, лишить его философского значения и превратить в нечто, имеющее смысл лишь в пределах психических процессов индивидуума. Тем не менее бессознательное (впрочем, как и сознание) резонирует с нагуалем, и специфику подобного резонанса современная психология должна была бы описывать.

Если же мы попытаемся разобраться, где наиболее беспрепятственно и непосредственно нагуаль манифестирует себя в человеке, то, скорее всего, обнаружим нелепость самой постановки вопроса. Ибо нагуаль не знает никакой «конкуренции»; он повсюду, и власть его абсолютна. Любой конфликт, любое противостояние здесь надуманно и иллюзорно. Тональ, который не имеет собственной, отдельной природы, способен только вуалировать феномены нагуаля, прятать их от ограниченного сознания нашей маленькой личности, чтобы обеспечить ее упорядоченное функционирование в очень узкой области, важной лишь для биологического выживания. Специфика выживания существ, наделенных интеллектом и организовавших социальные структуры, имеет, конечно, впечатляющие отличия по сравнению со способа-

ми выживания у неразумных форм, и все же это не меняет сущности процесса.

Поэтому, когда дон Хуан говорит о нагуале как составной части человеческого существа, он подходит к делу совсем с иной точки зрения, очень далекой от психоанализа. Учитель подразумевает тот огромный энергетический объем нашей психофизической конституции и связанные с ним переживания, что не интерпретируются аппаратом восприятия, оставаясь вне сознания, т. е. для сознания не существующие. Подсознательное, бессознательное и сверхсознательное могут отражать те или иные фрагменты этого грандиозного поля, но главный массив энергетики нагуаля относится, скорее, к тому, что мы привыкли называть просто телом. Поэтому дон Хуан часто говорит о неопишемом чувстве тела, о том, что именно через аморфные, почти неуловимые переживания организма в целом мы можем получить некое косвенное представление о жизни нагуаля внутри нас.

Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что важнейшая задача дон-хуановского учения (и не только в практической ее части, но с точки зрения самой философии нагуализма) – возвращение человека к утраченной целостности, подлинная реализация нашего вида как *res integra*, т. е. как целостной единицы, все содержание которой в равной степени доступно фундаментальному и присущему только человеку началу – сознанию. Впрочем, подобную целостность вряд ли можно назвать утраченной, ибо человек – существо рефлекс-

сирующее, наделенное интеллектом и произвольным вниманием, организованным в качестве инструмента анализа, — по-настоящему собственной целостностью никогда не владел. На том уровне сложности, что свойствен нашему виду, целостность поистине означает всемогущество и свободу.

Мы редко задумываемся над тем, что все проблемы и ограничения человека в конечном счете обусловлены недоступностью той или иной области пространства (внутреннего или внешнего, физического или психического) для сознания — самого мощного фактора организации, модификации и контроля. Безусловно, мы должны рассматривать сознание как феномен энергетический; его природа и особенности его функционирования остаются во многом загадочными, но и здесь дон-хуановский подход может заметно приблизить нас к разрешению этой вековой тайны. По крайней мере, следует указать, что сознание, будучи особым образом сбалансированной энергосистемой, обладает способностью произвольно генерировать энергетические поля и потоки, наделяя их собственными качествами — склонностью к самоорганизации, самогармонизации и самокоррекции. Ничуть не преувеличивая, можно утверждать, что все потенциальности человеческого рода заключены здесь.

Таким образом, выражаясь языком дона Хуана, главным смыслом и целью всех практических метаморфоз, которым подвергает себя маг в процессе развития, является соединение тоналя и нагуаля в монолитный организм, в нерасчлени-

мую и совершенно прозрачную для осознания форму. Философский монизм, единственная из систем мышления, пригодная для относительно адекватного отражения Реальности, у дона Хуана из мировоззренческого постулата превращается в практическую посылку, достигается и воплощается всеми техническими приемами, всей методологией и даже настроением магического праксиса. Любая дихотомия, приписываемая человеком Реальности, особенно дихотомия тела и духа, почитаемая почти всеми религиями человечества, с презрением отбрасывается прочь, в царство галлюцинирующего тоналя.

Говоря строго, у Кастанеды не было особой необходимости вводить термин «энергетическое тело», так как иным телом человек вообще не обладает. И все же, вслед за мэтром нагуализма, мы будем упоминать об энергетическом теле человека, имея в виду, однако, не составную часть существа (более «тонкую», чем физический организм, как обычно говорят оккультисты), а всю ту энергетическую ткань, из которой мы состоим, включая как самые «грубые», так и самые «эфирные» ее элементы. Конечно, такой пакет энергетических формаций и есть реальный человек – фигура куда более объемная, чем наш перцептивный образ себя самого в качестве двуногого млекопитающего с определенной физиологией и поведением.

На практике осваивая толтекскую дисциплину, вы откроете целый океан возможностей, присущий вашему реально-

му телу. По мере того как осознание будет проникать в него все глубже, ваша подлинная сила будет возрастать, что и является восхождением к Трансформации.

Постижение, как видите, в Реальности всегда имеет двойственную направленность. Ничего нельзя со всей определенностью назвать внешним или внутренним: погружаясь в нетронутые сознанием энергетические пласты собственного организма, вы непременно столкнетесь с удаленными областями внешней природы, доступными для такого типа восприятия. Дон Хуан в своих разъяснениях описывал Кастанеде Реальность как бесконечную сеть, состоящую из бесчисленных энергетических нитей, или эманаций. Из эманаций строится воспринимаемое, пучки эманаций формируют в перцептивном аппарате образы, полосы эманаций – законченные картины миров. Но что самое важное: эманации, из которых состоит наше тело, те же, что и снаружи. По этим ниточкам движутся импульсы, несущие информацию, не имеющую никакого отношения к нашему представлению о пространстве. Только внимание субъекта собирает и вычленяет образы, наделенные пространственно-временным смыслом.

Что же в таком случае мы можем сказать о Реальности, о нагуале? По представлениям толтекских магов, здесь нельзя говорить ни о пространстве, ни о времени; протяженность присутствует здесь совершенно неопишуемым образом, вещество – всего лишь импульс, а масса измеряется энерги-

ей импульса. Отдельные объекты оказываются фикцией, порожденной нашим восприятием, – это некие «стоячие волны», по которым непрерывно катится энергия мироздания; они не только «прозрачны» для энергетических движений (а значит, и для психических процессов), но и всесторонне связаны с любыми, самыми далекими объектами вселенной. Практически все качества и характеристики, приписываемые нами Реальности, существуют лишь в нашем воображении.

Единственное, что можно сказать о Реальности наверняка, – она способна оказывать воздействие на наши органы чувств. Следовательно, нагуаль – это энергия. Ее организация выше всякого постижения хотя бы потому, что постигающий субъект всегда обладает только одной точкой зрения, одним центром восприятия, и любой его опыт, по сути, фрагментарен.

Здесь следует сказать еще об одном фундаментальном понятии дон-хуановского учения – о том важнейшем инструменте, который превращает энергетическое поле вселенной в привычную для нас картинку, где существуют формы, цвет, звук, вкус или запах. Дон Хуан называет его точкой сборки. Об этом предмете в книге будет сказано немало, здесь же я хочу процитировать Кастанеду, который лаконично и стройно описал функцию точки сборки в сложном контексте энергетической Реальности нагуаля:

1. Вселенная является бесконечным скоплением энерге-

тических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые эманациями Орла, излучаются из источника непостижимых размеров, метафорически называемого Орлом.

3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам, и подобные гигантским светящимся яйцам.

4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется «точкой, где собирается восприятие», или просто «точкой сборки».

Как видите, ограниченность нашего восприятия имеет еще более глубокие причины, чем те, о которых уже было сказано. Человек не только искажает воспринимаемые сигналы, используя интерпретационный механизм тоналя, – человек изначально ограничен некоторым объемом энергетиче-

ческих полей, к которым имеет доступ его точка сборки. Попробуйте представить, что в этом объеме сосредоточено все кажущееся разнообразие нашего сенсорного опыта, только этим диапазоном оперирует наше сознание, отягощенное к тому же чудовищным грузом иллюзорных понятий, шаблонов, схем и описаний! Здесь заключен весь наш мир, доступный психике нормального человека, а значит, и вся наука, рационализм и объективизм разума.

Наличие механизма, в определенном порядке собирающего восприятие энергии в целостную для субъекта картину, предполагает принципиальный подход к восприятию как к процессу энергетического взаимодействия с внешними полями, а внимательное изучение психофизиологических изменений, которые наблюдаются у мистиков-практиков, наводит на размышления о том, что именно режим и качество восприятия определяют в целом функционирование человеческой системы. Этот вывод, не требующий, казалось бы, особого мыслительного усилия, на протяжении веков был совсем неочевидным, вуалировался мифологическими и метафизическими доктринами антропоморфного толка.

Само восприятие в общем контексте оккультной практики всегда представлялось вторичным продуктом или последствием неких неопишуемых изменений внутри духовного организма, которые часто объявлялись результатом приближения или слияния субъекта с Абсолютом, Высшим бытием, Богом и т. п.

Ситуация, таким образом, в сознании мистика имела перевернутый вид: адепт «открывался» воздействию внешней Силы, следуя практическим рекомендациям, исходящим из определенного (всегда в той или иной мере антропоморфного) представления о природе и предназначении этой Силы, якобы испытывал некую трансформацию своего существа в виде «нисхождения» Божества, «откровения», данного Его милостью, и таким образом обретал измененное восприятие, безусловно свидетельствующее о восхождении искателя в трансцендентный мир истинных сущностей. Разумеется, содержание видений при таком подходе оказывалось важнейшим предметом изучения.

Ортодоксальному мистiku и в голову не приходило исследовать сам процесс восприятия со всеми присущими ему ограничениями и искажениями, поскольку изначально предполагалось, что в этом состоянии он прорывается к высшим планам бытия, где восприятие бесконечно более совершенно, чем у обычного человека с профаническим сознанием. Идея, будто восприятие – это пассивный процесс отражения, лишь допускающий психику субъекта к определенным областям Реальности, сам по себе ничего не изменяющий, а только свидетельствующий изменения, укоренилась и распространилась на абсолютно все феномены мистической практики.

Дон-хуановская концепция точки сборки связывает любые явления измененного восприятия с перемещением это-

го центра внутри энергетического тела человека или движением его вовне, за границами человеческой формы.

Прежде всего важно понять, что речь идет не просто об изменении точки зрения или фокусировки внимания, а о перемещении энергетической активности из одной области нашего существа в другую. Поля нашего организма, прежде инертные и неспособные к активному резонансу с внешней энергией, консервирующие возникший когда-то дисбаланс или напряжение, вдруг оказываются вовлеченными в сферу действия точки сборки, что уже является началом их трансформации. Если мы вспомним об удивительной энергетике сознания (в нашем случае неразрывно связанного с восприятием), то поймем, что всякий сдвиг или движение точки сборки производит существенное изменение в характере энергообмена нашего тела с внешней средой.

Что же касается качества восприятия в измененной позиции перцептивного центра (т. е. полноты, связности, яркости, отчетливости, управляемости и т. п.), то оно оказывается мерилom и критерием интенсивности энергетических процессов в дремавших прежде областях, показателем степени вовлеченности данных полевых структур в новый режим энергообмена.

Теперь мы можем сказать, что все психотехнические приемы, ритуалы и аскетические упражнения, известные в религиозных или мистических системах, были успешными лишь в том случае, когда приводили к сдвигу точки сборки, неза-

висимо от того, делалось это целенаправленно или непреднамеренно. По-видимому, все реальные трансформационные изменения, наблюдавшиеся мистиками и магами (начиная со стигматов у христиан и заканчивая ясновидением, левитацией и телекинезом), обязаны своим появлением именно перемещению перцептивного центра в энергетическом теле практикующего.

Однако непонимание сути происходящих явлений препятствовало и по-прежнему препятствует полноценному использованию измененных режимов восприятия, что, разумеется, делает невозможными высшие эффекты трансформации, оставляя любое достижение незавершенным и фрагментарным. Идеологические и метафизические предрассудки, о которых мы еще будем говорить, во многих случаях приводят либо к ложной интерпретации измененного восприятия, либо к отрицанию его ценности вообще.

В дон-хуановском учении, как вы могли заметить, содержание видений не имеет большого значения. Будучи знанием прагматическим и во многом позитивистским по духу, дисциплина дона Хуана сосредоточена на изучении ключевого процесса восприятия – внимания. То, что именно внимание является основным инструментом, контролирующим восприятие, давно известно психологической науке. В толтекской магии этот психический феномен рассматривается как центральный. Специфика внимания определяет три энергетических уровня существования человека. Они так и

называются: первое, второе и третье внимание.

Первое внимание присуще субъекту в обычном восприятии, т. е. при нормальном положении точки сборки. Второе внимание включается, когда точка сборки покидает свою привычную позицию и мы начинаем строить связное восприятие недоступных ранее областей Реальности. Этот вид внимания должен совершенствоваться в течение длительного времени, что сопровождается многочисленными и разнообразными перемещениями точки сборки, последовательным повышением качества восприятия в каждом открывающемся сенсорном поле.

Результатом этой работы становится достижение третьего внимания. О нем сложно говорить, поскольку здесь происходит радикальная трансформация всех психофизиологических процессов.

С энергетической точки зрения, на этом этапе активизация полевых структур резонансными явлениями, присущими человеку только в крайне ограниченной зоне нахождения точки сборки, охватывает весь объем человеческой формы, и это полностью меняет функциональное состояние энергосистемы.

Существо обретает бессмертие и свободу передвижения во всем диапазоне полевых структур вселенной. Одновременно оно оказывается за границей нормального восприятия, поскольку измененное до неузнаваемости энергетическое тело «разворачивает» свернутые в клубок волокна, что-

бы двигаться в резонансе с той же скоростью и не встречая препятствий, в едином ритме с ритмом энергетических потоков, основная масса которых для обычного сознания недоступна.

Значительная часть этой книги посвящена принципам и практическим методам достижения второго внимания, его развития и совершенствования. Мы будем также называть его измененным режимом восприятия (ИРВ). Надо сказать, что работа со вторым вниманием – занятие нелегкое и требующее долгого времени. Однако, как мне кажется, любой человек, соприкоснувшийся с этой загадочной и многообразной областью переживаний, признает, что его изучение – одна из самых волнующих и увлекательных работ, открывшихся нам.

Здесь обитает само сердце магии, это – бесконечное приключение духа, непрестанная радость от новых постижений, вечное изумление и вечное чудо. Беспредельность, мироздания воочию раскрывается перед нами, и всякий раз хочется повторять вслед за доном Хуаном: «Мир – это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент, – еще далеко не все, что здесь есть. В мире есть еще столько всего!...»

Удивительную способность целенаправленно изменять режим собственного восприятия человек приобрел вместе с произвольным вниманием – даром концентрировать сознание на специально избранном объекте. Этим даром человек отличается от всех живых форм, известных нам в обычном

диапазоне восприятия. Произвольность психических процессов – результат длительной тренировки сознания, последовательного развития интеллекта и языка, т. е. формирования тоналя. Законы мироздания, как всегда, парадоксальны: чтобы заглянуть в нагуаль и освоить его энергетические возможности, мы сначала вынуждены сотворить тональ, развить его надлежащим образом, прочувствовать всю его ограниченность.

Тональ, источник всей нашей неудовлетворенности, боли и бессилия, одновременно оказывается уникальным шансом достичь свободы и могущества нагуаля, подобно тому, как в древнекитайской философии предельное проявление инь рождает ян, а предельное раскрытие ян неизбежно рождает инь. Даосы полагали, что бессмертие и свобода возникает в результате совершенной гармонии между двумя началами. По сути, дон-хуановское третье внимание как раз и есть такая гармония: тональ не противостоит нагуалю, не подавляет и не вытесняет его, а следует за ним, достигая предельной текучести, но не теряя при этом способности находить и оформлять порядок, строить связные миры в бесконечном волнении энергетических потоков нагуаля.

В полном согласии с основным парадоксом донхуановского учения для того, чтобы приблизиться к нагуалю через второе внимание, мы должны подробно изучить и осознать механизм работы тоналя, его основные шаблоны и стереотипы, пружины, которые приводят его в действие, т. е. тот

фундамент, на котором покоится великолепная конструкция нашего первого внимания. Дон Хуан рассматривает тональ как совокупность привычек восприятия, устроенную таким образом, чтобы вся психическая энергия личности расходовалась на поддержание и укрепление однажды избранного способа воспринимать. Первоначально такое устройство психического мира явилось, скорее всего, результатом биологической необходимости, оптимальным способом выживания данной энергетической формы в данной среде. Однако в процессе психологической эволюции механизм восприятия стал настолько ригидным, что уже не обеспечивает выживание вида, – более того, угрожает ему прогрессирующей патологией и даже самоуничтожением.

Болезненную ригидность нашего сознания издавна связывают с чрезмерным развитием человеческого эго. Этим не вполне четким термином привыкли обозначать тяжкий груз амбиций, страхов, надежд и привязанностей, обусловленный осознанием своего отдельного «я» и следующим из него экзистенциальным конфликтом, в который вовлечено, по сути, все, что не есть «я». Эмоциональное напряжение, вызванное конфликтом эго, часто бывает слишком болезненным и даже невыносимым. Стремление избавиться от кошмара вечной озабоченности лежит в основе практически всех религиозно-этических систем.

Самым крайним проявлением усталости и разочарования от жизни эго стал буддизм. Именно Будда впервые откровен-

но провозгласил, что всякая жизнь существа, наделенного эго, есть бесконечное страдание. Метапсихология буддизма и других духовных учений глубоко и тщательно рассмотрела механизмы эгоистического страдания. Интенсивный самоанализ и самонаблюдение раскрыли целый ряд психологических законов, спустя тысячелетия во многом подтвержденных европейской наукой, которая значительно позже проявила интерес к интроспекции. Нельзя не отметить, что в стремлении к освобождению человека от эго буддизм проявил наибольшую последовательность. В отличие от традиционных религий, где внутренний конфликт частично снимался за счет передачи груза ответственности Богу или иному высшему существу (что можно было бы назвать своего рода духовной ортопедией), буддизм довел технику «растворения» эго до логического конца. Постулируя иллюзорность «я», он признал высшим достижением абсолютное угасание интенций субъекта (нирвана) и слияние с бескачественной пустотой бытия (шуньята).

Метафизика, как всегда, сыграла с человеком злую шутку: она отвлекла его от подлинной проблемы, связанной со спецификой восприятия, превратила совокупность субъективных отношений в независимый факт самого существования и сосредоточила все силы адепта на достижении не-бытия, т. е. устранения субъекта из субъектно-объектного поля переживания. Цель, невозможная без уничтожения самого центра восприятия.

Таким образом, трансформация эго, понимаемого метафизически, завершалась полным «угасанием» субъекта вообще, проще говоря – смертью. На этом пути адепты, конечно же, встречаются с вдохновляющими переживаниями легкости, освобождения, просветленности и спонтанности чувств, поскольку буддистская психотехника, последовательно избавляя человека от напряжений, дает ему избыток психической энергии и уменьшает фиксированность точки сборки.

Здесь же, как и в ряде других мистических дисциплин, часто возникают необходимые условия для начала работы с измененными режимами восприятия. Однако настойчивая устремленность ортодоксального буддиста к полной остановке переживаний, к абсолютной чистоте восприятия «здесь» и «сейчас», препятствует свободному движению перцептивного центра, а следовательно, блокирует доступ к сферам второго внимания. Таким образом, вместо энергетической трансформации буддист находит перцептивную неподвижность на фоне значительного расслабления аппарата эгоистического реагирования. Страдание в этом случае действительно исчезает; однако этой эмоциональной анестезией и завершаются все реальные достижения. С подобными примерами мы сталкиваемся в духовных практиках постоянно. Что же из этого следует?

Человек действительно нуждается в радикальной трансформации эго. Правда, дон-хуановская традиция очень остро-

рожно относится к словам, подозревая в языке источник всякой бесплодной метафизики, а потому толтекская магия старательно избегает лишних понятий. Поскольку это на самом деле является комплексом привычных восприятий и реакций, то речь идет об изменении или устранении этих привычек, и не более того. Без трансформации это никакое освоение второго внимания невозможно.

У такого положения дел есть две серьезные причины. Во-первых, направленность внимания практически всегда обусловлена эгоистическими реакциями – чтобы изменить режим восприятия, необходимо изменить стереотипы реагирования, а это и есть трансформация эго. Во-вторых, привычки эгоистического реагирования (страх, злость, зависть, обида, надежда, жалость и пр.) поглощают всю психическую энергию личности и способствуют жесткой фиксации восприятия в изначально существующем режиме. Преодоление эгоистических стереотипов реагирования – особая тема в традиции дона Хуана. Он называет эту практику безупречностью и связывает с ней все высшие достижения своей магии.

Безупречность, как и всякая техника дон-хуановской магии, не имеет ничего общего с морально-этическими догмами, поскольку понятия добра и зла принципиально чужды концепции нагуаля: они остаются исключительно тональными представлениями, т. е. для внешней Реальности не существующими. С точки зрения теории восприятия (составляющей, как видим, фундамент и главный источник методоло-

гии в толтекской магии), безупречность – это совокупность способов растождествления со сложившимся в индивидуальном тоне образ себя. С энергетической же точки зрения, фиксированный образ себя означает жесткую закреплённость существующей модели энергообмена, целиком направленного на обеспечение неподвижности точки сборки, или центра перцепции.

Последовательность дон-хуановской идеи наконец-то связывает воедино психотехническую практику с такими туманными понятиями, как стиль жизни, настроение или мировоззренческая установка. Из религиозно-мистической практики давно известно, что исключительно психологические, казалось бы, перемены в личности адепта могут вызывать непреднамеренные сдвиги в режиме восприятия без каких-либо специальных медитативных упражнений. Изредка подобные феномены имеют место и в обыденной жизни – когда, например, личностный кризис и сопутствующее ему эмоциональное перенапряжение рождает вдруг прилив отрезанности, смирения и покоя перед лицом судьбы. (Вспомните, ведь и Кастанеда «остановил мир» именно таким способом!) Эти сокровенные переживания, ничуть не связанные с религиозным, а тем более мистическим вдохновением, могут, к полному нашему изумлению, порождать всплески ясновидения или других парапсихологических способностей, экстериоризацию (т. е. «выход астрального тела», по терминологии традиционного оккультизма), раскрытие це-

лительского дара и тому подобные вещи.

Чаще всего изменения в психике, возникающие таким путем, быстро угасают, забываются, а потом истолковываются нами как странные сновидения или удивительные совпадения. Ну, а порой конечным итогом всех этих злоключений личности становится появление еще одного экстрасенса. Религиозное сознание склонно видеть в подобных историях доказательство божественной заинтересованности в судьбе страдающего человека. Дон-хуановская теория говорит о непреднамеренном достижении безупречности, результатом чего оказывается спонтанный сдвиг точки сборки.

Кастанеда в своих книгах сообщает нам главные принципы, лежащие в основе безупречности. В других мистических учениях мы находим целый ряд схожих идей, однако нигде они не рассматриваются в непосредственной связи с изменением режима восприятия для достижения трансформации энергетического тела человека. Метафизическая подоплека психологических инструкций носит либо абстрактно-философский, либо морально-этический характер, что, опять же, уводит практикующего от реальных изменений в область мифологических фантазий или бесплодных умствований. Дон Хуан с предельным лаконизмом формулирует стереотипы (или сложные комплексы стереотипов) реагирования, в наибольшей степени препятствующие безупречности и фиксирующие положение точки сборки:

- 1) страх смерти,

- 2) чувство собственной важности,
- 3) чувство жалости к себе.

Кроме того, мы найдем здесь множество частных инструкций и более подробное рассмотрение нюансов эгоистической психологии.

Я буду детально рассматривать этот важнейший аспект магической практики, совершенно необходимый для реализации любых эффектов на пути постижения нагуаля.

Не следует, однако, думать, что работа с измененными режимами восприятия начинается лишь после достижения адептом высокой степени безупречности. На деле оказывается, что эти два аспекта дисциплины осваиваются одновременно и, более того, существенным образом подстегивают друг друга. В то время как безупречность последовательно снижает фиксацию точки сборки, тем самым провоцируя сдвиги восприятия в сферу второго внимания, всякое проявление второго внимания подкрепляет безупречное настрояние практикующего, предоставляя ему внутренние переживания, разрушающие убежденность в адекватности его реагирования и необходимости привычного образа себя.

Многие идеи тоналя по поводу собственной личности теряют свою актуальность в измененном режиме восприятия. Убедительные подтверждения этой закономерности обнаруживают все экспериментаторы, работающие с необычными состояниями сознания, особенно те, кто изучает воздействие

на психику человека больших психоделиков (мескалин, псилоцибин, ДМТ и др.).

Олдос Хаксли одним из первых обратил внимание на характерное изменение эмоционального участия субъекта при глубоком перцептивном сдвиге (см. об этом в его книге «Врата восприятия»). Я уже ссылался на его любопытные наблюдения. Они настолько недвусмысленно подтверждают связь между режимом восприятия и состоянием эгоистического реагирования, что стоит еще раз напомнить их читателю: «Зрительные впечатления в значительной степени усиливаются, глазу открывается та чистота восприятия, которая имелаась в детстве, когда чувство не было еще автоматически подчинено идее. Интерес к пространственным отношениям снижается, а интерес ко времени падает почти до нуля».

Еще одно доказательство тому, что восприятие пространственно-временных отношений в картине мира является неотъемлемым компонентом психологии эго, а вовсе не чистым отражением объективного устройства Реальности, как часто полагают.

«Несмотря на то что интеллекту вреда не наносится, а восприятие становится намного совершеннее, воля претерпевает глубокие изменения в худшую сторону. Принявшие мескалин не видят смысла в каких-либо действиях и находят причины, в обычном состоянии побуждающие их к действиям и страданиям, глубоко неинтересными. Они не могут волноваться по этим причинам, так как открывают более зани-

мательные вещи, о которых стоит подумать».

Вероятно, кому-то покажется, что отсутствие интереса к заботам вечно неудовлетворенного эго – всего лишь последствие наркотической эйфории, вызванной мескалиновым отравлением, однако те же эффекты наблюдают медиаторы, у которых сдвиг восприятия возникает за счет специальной концентрации внимания безо всякого участия химических агентов. Таким образом, можно считать несомненным, что работа перцептивного аппарата имеет своим продуктом не только интерпретацию пучков сенсорных сигналов, но и основное содержание эго-комплекса как совокупности отношений между субъектом и внешней средой. И то и другое, по дону Хуану, есть результат определенной позиции точки сборки. Если точка сборки меняет свое положение, метаморфозам подвергаются не только границы осознаваемого сенсорного поля, но и смыслы, оценки, отношения, реакции, жестко привязанные к описанию мира, сотворенному тоналем в привычном режиме восприятия.

С другой стороны, одно только изменение перцепции не обеспечивает магу необходимую безупречность. Напротив, отсутствие эмоционального контроля, приходящего в процессе безупречной жизни, в измененном режиме восприятия может иметь катастрофические последствия. Интенсивность искажений, присущая первому вниманию, в состоянии второго внимания вырастает до такой степени, что внешний сигнал практически тонет в бурлящем океане галлюци-

наций. К тому же такое положение очень близко к умопомешательству и нередко им заканчивается. Если же учесть, что в течение длительного периода практики экспериментатор просто не имеет убедительных критериев для определения адекватности своего восприятия реальным энергетическим структурам, попадающим в область его перцептивной активности, то положение исследователя поистине затруднительно. Что же предлагает дон-хуановская дисциплина для решения такой серьезной проблемы?

Толтекская магия избирает позицию, для оккультизма непривычную и более свойственную естествоиспытателям нового времени. Гносеологический тупик, в который нас заводит последовательная и объективная философия (тупик, ставший очевидным и вызвавший мучительный кризис науки в начале XX века), был осознан индейскими магами в процессе упорной работы с собственным восприятием. Наверное, они совершали множество попыток прорваться сквозь этот печальный заслон, обойти ограничения, положенные природой в основу всякого отдельного существа, прежде чем со смирением принять такую ситуацию бытия. Слишком хорошо зная все особенности перцептивных процессов, они не поддались красочным галлюцинациям или эйфорией от остановки восприятия. Дон-хуановские воины уже не могли наивно полагать, что экстатическое чувство слияния со вселенной в блистающем океане света есть реальное прикосновение к Абсолюту, высшему Божеству,

или чему-то в этом роде. Впечатляющие перцептивные феномены, которые для большинства мистических учений являлись вершиной самореализации человека и окончательным постижением подлинного бытия, для видящего мага – лишь еще одна позиция точки сборки, к тому же далеко не лучшая.

На самом деле признать, что абсолютная истина для человеческого восприятия недоступна, – только вначале трагедия; тщательно изучив ситуацию, мы открываем, что можем теперь направить всю энергию своего существа на реальные достижения и оставить в покое умственные идеалы, имеющие ценность только в нашем воображении. Крайне важно осознать, что мы способны манипулировать собственным восприятием и использовать его для энергетической трансформации нашей природы. В конечном счете, следуя такому пути, мы обретем бесконечные возможности по-разному контактировать с реальностью – то есть жизнь, предельно насыщенную познанием, где смерть более не является неизбежностью, где ничто не в состоянии прекратить движение перцептивного аппарата. Разве подобная свобода не есть достижение Абсолюта в том виде, каков он присущ субъекту, наделенному формой и центром перцепции?

Однако чтобы прийти к окончательной свободе, не заблудиться в частностях и миражах, воин провозглашает для себя принцип «верить, не веря» – согласно известной формулировке дона Хуана. Это отношение является прямым ре-

результатом абсолютной перцептивной относительности, обнаруженной древними магами на практике.

Воин «верит, не веря», ибо вынужден постоянно сталкиваться с разнообразными феноменами восприятия, так или иначе работать с ними, реагировать на них, избегая в то же время считать их отражением подлинных энергетических структур внешней Реальности. Если маг, пребывая во втором внимании, встретится с чертом, он должен его перекрестить, прочитать любую молитву или плюнуть ему на хвост. Он может придумать собственные средства защиты, лишь бы они эффективно переключали внимание, тем самым блокируя нежелательные энергетические процессы, но поверить в то, что перед ним был реальный черт, который на самом деле боится крестного знамения или имени Иисуса, он просто не имеет права. Дон-хуановский воин смеется над играми своего тоналя, не забывая, впрочем, ни на секунду, что любая его ошибка может оказаться смертельной. Это и есть одно из практических последствий безупречности.

На определенном этапе магу открывается *видение* (seeing). Это качественно новый режим перцепции, скачкообразное возрастание объема сенсорного поля, допускаемого перцептивным аппаратом к осознанию. Маг получает возможность воспринимать совершенно иную картину мира, где матрица тоналя почти не участвует: он видит энергетическую ткань внешней Реальности, потоки и структуры, организацию и качество окружающей его энергии. Только теперь он может су-

дить, является ли данный перцептивный факт отражением внешнего воздействия или внутренней игры образов, порожденных им самим. Но чтобы добраться до *видения*, воин должен пройти долгий путь совершенствования своего второго внимания, а это возможно только при соблюдении принципа «верить, не веря».

Такая позиция обеспечивает должную дистанцию при работе с восприятием, эмоциональную невовлеченность субъекта в перцептивный процесс, создавая условия для формирования контроля над вниманием. Ученик неизбежно проходит через длительный период, когда любой факт восприятия в необычной позиции точки сборки, каким бы он ни был интригующим, должен рассматриваться как объект для упражнения внимания, и не более того. Следует забыть о захватывающем содержании видений и полностью отдаться суровой тренировке – следить за стабильностью восприятия, его последовательностью, яркостью, управляемостью и т. п. Важно всегда помнить: никакой иерархии в позициях точки сборки не существует, все режимы перцепции в равной степени ложны перед лицом нагуаля – фрагментарны, ограничены и включают в себя массу искажений.

В соответствии с кастанедовскими отчетами и опытом мистических переживаний, накопленных в различных школах, бесконечный ряд режимов восприятия, относящихся к сфере второго внимания, можно разделить на три основных вида: 1) трэмпинг, 2) энтазм и 3) *видение*.

Первые два встречаются в любом мистическом практике, третий характерен исключительно для дон-хуановской традиции. Термины «трэмпинг» и «энтазм» введены мною для лаконичного обозначения перцептивных явлений, требующих обычно многословного и утомительного описания. Трэмпинг (англ. *tramping* – блуждание, странствие) включает в себя массу позиций восприятия, в которых субъект имеет дело с более или менее связными образами, напоминающими нормальный режим перцепции и наделенными совокупностью признаков, соотносимых со знакомым типом описания мира.

Иными словами, трэмпинг – это перемещение точки сборки в границах той области, где внимание может функционировать по модели тоналя, приспособливая новые сенсорные поля к старым интерпретационным шаблонам. Конечно, при этом тоналъ максимально использует всю присущую ему гибкость, порождая иногда крайне странные образы. Примерами трэмпинга могут служить широко известные «путешествия в астрале», случаи ясновидения, когда субъект воспринимает образы, находящиеся за пределами достижимости для первого внимания, восприятие в режиме *сновидения* (контролируемой и осознанной перцепции во сне – эта техника особенно важна в дисциплине дона Хуана), посещения параллельных миров и т. п.

Во всех случаях трэмпинга перцептивная модель сохраняет свои фундаментальные идеи (именно идеи, т. к. они

связаны с привычным способом осмысления восприятия): идею пространства и времени, дискретности и монолитности, организации и структуры, а также плотности, яркости, цвета, звука. Дон Хуан утверждает, что подобная модель восприятия может быть воспроизведена только в том случае, когда точка сборки находится в зоне «человеческой полосы» энергетических эманаций. За пределами «полосы» точка сборки вступает в контакт с полями, которые не поддаются организации тональным способом. Это означает, что перцепция теряет смысл и превращается в сплошной сенсорный «шум». Обычно подобные сдвиги точки сборки запоминаются как погружение в океан света, падение в «белый колодец» или нечто в таком же духе.

Интенсивность и длительность сдвига обуславливает степень блокировки тонального механизма. Именно тональ производит переживание отдельности, изолированности энергетической формы от окружающего ее поля. Когда тональ уходит в «анабиоз» достаточно глубоко, возникает непередаваемое чувство слияния с бытием, со всей беспредельностью мира. Йоги называют это состояние самадхи, ведантисты – Сат-Чит-Ананда, буддисты – нирваной. Я буду использовать термин «энтазм», подразумевая поглощенность субъекта особым переживанием, в котором перцептивный образ не собирается, в результате чего бодрствующее сознание свидетельствует только сам факт бытия как бы в «чистом» виде и испытывает аморфное чувство неопределимо-

го единения с ним.

Конечно, энтазм как «поглощенность бытием» в значительной степени является иллюзией, субъективным психическим феноменом. В Реальности ему соответствует резонирование энергетической формы человека с определенным объемом полей, характеристики которых не соответствуют возможностям нашего интерпретационного механизма. Энтазм производит ряд эффектов, особенно в сфере психологической конституции индивида, — что и фиксируется в описаниях мистиков, религиозных подвижников, духовных искателей.

Однако для энергетической трансформации человеческого существа достижение этого состояния значит очень мало, разве что указывая на некоторое увеличение подвижности перцептивного центра. Если же энтазм культивируется сознательно, как это принято во многих мистических школах, то его фиксация начинает тормозить процессы изменения в энергетическом теле, в конце концов останавливая их совершенно.

Что же касается *видения*, то оно приходит к магу в результате длительных упражнений с трэмпингом. *Видение* не имеет ничего общего с экстрасенсорными способностями — с энергетической точки зрения это резкое возрастание количества эманаций, структурируемых для восприятия. Это своего рода взрыв, всплеск точки сборки, ее экспансия на значительную площадь энергетического тела. Благодаря это-

му воин начинает видеть реальные структуры, созданные из энергии бытия. Тональ при этом, скорее всего, заменяется другими, более масштабными структурами интерпретации.

Дальнейший трэмпинг расширяет возможности *видения* и подготавливает почву для третьего внимания, включение которого завершает «земной» путь мага и превращает его в космическое существо, чей дом – беспредельность.

Осталось лишь упомянуть о самом загадочном в донхуановском учении – о намерении. Ведь всякий сдвиг точки сборки – это не только следствие упорных тренировок, но и результат намерения. Мы вступаем в область, где пока еще нет ответов. Дон Хуан говорит, что эманации Орла наделены осознанием, а весь мир – своим безличным осознанием, которому до нас нет никакого дела. Правда, настоящий маг может чувствовать намерение и с его помощью осуществлять магические акты.

Однако с философской точки зрения и здесь нет ничего противоречивого. Если не путать осознание с интеллектом, а намерение – с целеустремленностью, то можно догадаться, что речь идет об особом роде чувствования, присущем энергии бытия. В человеке это всеобщее качество выразилось весьма характерным образом, а поскольку других выражений сенситивности мы не знаем, то склонны всегда связывать ее с биологической стихией и разумом. Многие согласны с тем, что Земля, обладая энергетической оболочкой, вполне может быть живым существом. Личное намере-

ние мага, слившись с намерением Земли, обретает действительно космическую интенсивность.

Иллюзия нашей отдельности, которая блокирует резонансные процессы, ведущие к трансформации, должна исчезнуть. Вся беспредельная Вселенная вступает в энергетический союз со всей целостностью человека – и тогда происходит чудо. Каждый раз, когда вдруг возникает эта неопишуемая гармония между человеком и миром, случается маленькое чудо. Тот, кто нашел гармонию со вселенной, может по праву называться магом.

Дон-хуановский подход позволил мне сформулировать синтетический метод «трансформации энергетического тела», о котором еще предстоит написать. Он дает возможность быстрее достичь целей, провозглашенных доном Хуаном: пробуждения второго внимания, его последовательного совершенствования и перехода к третьему вниманию, где нас ждет Неведомое и Непостижимое.

Долгий путь магов

История человеческого осознания

Глава 1. Впотьмах

*Я бреду по дороге – мертвый,
в сонном свете, но наяву;
и мечтаю, мертвец, о жизни,
безнадёжно немой, зову
тех, кто сделал меня безгласным...*

Хуан Рамон Хименес

Начиная краткий обзор эволюции мистико-оккультных учений, я хочу сделать две существенные оговорки. Во-первых, мы будем рассматривать только те дисциплины и учения, которые имеют отношение к реальным процессам психической трансформации личности, оставляя в стороне разнообразные изыски псевдонаучного толка, декларирующие постулаты, основанные исключительно на фантазиях их авторов или на сугубо религиозных идеях, никогда не подтверждаемых практикой. Сюда, помимо ортодоксальных религий, относятся алхимические эксперименты средневековой Европы, каббала, все виды мантики и астрология – по-

следние, впрочем, могут оказывать психотерапевтическое, а значит, и психоэнергетическое воздействие, что отмечает, в частности С. Гроф и другие исследователи. Это, однако, не меняет принципиально спекулятивной сущности этих учений. О природе и механизме подобных косвенных воздействий будет сказано более подробно в соответствующем разделе. Если же говорить о каббале, то от нее следует отличать так называемых визионеров Меркавы, добивавшихся порой действительно изумительных результатов.

Во-вторых, мы будем рассматривать эти учения в первую очередь с точки зрения теории восприятия – науки, оформившейся лишь в новейшее время и вряд ли принимаемой во внимание духовными искателями прошлых веков, если не считать ряда интроспективных прозрений и открытий, совершенных в Древней Индии и Древнем Китае, а также толтекской магии дон Хуана, представляющей в этом ряду удивительное исключение.

Особое положение мистики и оккультизма в культурном пространстве человечества и навязанная им оппозиция со стороны рационалистских воззрений современной науки превратили данную область знания в бесформенную свалку самых разношерстных идей. Интеллектуальное пренебрежение технократов свалило в одну кучу тщательно разработанные психотехники древних учителей и наивные отголоски первобытной мифологии, подлинно философские прозрения и беспочвенную метафизику с ее шизофренической

склонностью бесконечно строить классификации и схемы.

Существует известная путаница в наших представлениях о «духовном поиске». По сей день нет четких критериев для рассмотрения оккультизма как явления в истории человеческой мысли, нет методологии исследования или хотя бы ясных принципов, на которых мог бы строиться научный анализ. Есть, конечно, и объективные трудности в изучении этих тонких материй: дело в том, что мистика и оккультизм, во многом оставаясь детищем первобытного синкретического сознания, не отделяли себя от мифологии и религиозности, а напротив, стремились слиться с ними в едином порыве осмысления бытия. Целую эпоху они просуществовали в аморфном единстве, взаимно опираясь друг на друга и пытаясь подтверждать друг друга в рамках общего взгляда на мир.

Их естественная (для раннего этапа человеческой истории) близость породила у исследователей распространенное заблуждение насчет происхождения оккультизма вообще. Обычно они полагают, что возникновение мистического мировоззрения в самом широком смысле слова связано с оформлением анимистических, мифологических, а затем религиозных представлений у древнего человека. Очевидно, под этим подразумевают умственный процесс, который легко представить современному интеллекту: сначала первобытный мыслитель выдумывает некую абстракцию (анима, душа, жизненная сила – пусть даже в самой примитивной,

так сказать, натурализованной форме), затем наделяет этим абстрактным качеством окружающие его природные объекты и явления и в конечном счете, опираясь на простейшие догадки, изобретает методы общения с «одухотворенной» реальностью, влияния на нее и т. п. Часть идей со временем становится догмой и превращается в фундамент для разделяемой этносом религии, часть – оказывается в оппозиции и образует народную магию, языческую ересь, позднее – лженауки и философский мистицизм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.